

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Улюкаев А.

Многие с ностальгией вспоминают времена, когда демократическое движение было единым и объединяло людей простыми и глубоко гуманистическими лозунгами. Увы, теперь демократы расколоты, их среда пополнила наше чиновничество лицами, склонными к привилегиям и коррупции, как и матерые бюрократы из прежней номенклатуры

В этих условиях демократические партии и движения предлагают альтернативные варианты экономической и социальной политики. Как правило, лидеры публикуют свои программные заявления и размышления в разных изданиях, журналах и газетах Мы предпочли в одном и том же номере дать трибуну представителям разных течений демократического движения, близкому сотруднику Е.Т.Гайдара, одному из видных деятелей его правительства и члену руководства "Демократического выбора России" - А.В.Улюкаеву и сотруднику руководимого Г.А.Явлинским Эпицентра, ученому и публицисту А.Г.Макушкину. Каждый из них выражает собственную точку зрения.

Для молодой российской политики что ни год, то новая геологическая эпоха: мезозой сменяет палеозой, как пейзажи за окном экспресса. Подчас возникает парадоксальная, прямо-таки релятивистская ситуация: наблюдатель не успевает за экспрессом, а экспресс не поспевает за жизнью. Политический процесс ощутимо стал приобретать новые черты. Происходит активное структурирование партий. Изменяется характер взаимодействия законодательной и исполнительной власти, федерального центра и регионов, правительства и оппозиции. Обозначилось прямое включение в активную политическую жизнь новых субъектов национальной буржуазии. Российская политическая жизнь начала приобретать, во всяком случае внешне, черты цивилизованности, респектабельности.

Соответственно, по-иному стоят и проблемы российского либерализма. Закончился его внутриутробный период развития, когда он был достоянием посвященных, "высоколобых". Эксперт-либерал при традиционно-крепком хозяйственнике-руководителе. Парафраз извечного российского "еврей при губернаторе". Теперь под идеи подведен объективный фундамент. Носителями российского либерализма становятся не только "умники", но и деловые люди, промышленники, коммерсанты. Призрак либерализма довольно долго бродил по российским просторам, пока не стал обретать плоть либеральной политики и либеральной экономики. В Библии сказано "вначале было слово". Это верно и применительно к истории российского либерализма. Либеральное слово, либеральная книга, очень узкое первоначально сообщество либеральных реформаторов сделали свое дело. И это дело - новая российская экономика - стала базисом либерализма.

1. ЛИБЕРАЛИЗМ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМАТОРОВ

По какую бы сторону социально-политических и идеологических барьеров ни стояли мыслители, политики, общественные деятели последних веков, их искания шли по вектору свободы. В центре общественного внимания неизменно были проблемы свободы индивида, коллектива, общества. Собственно либерализм рассматривал проблему свободы как свободу личности, свободу собственности и предпринимательства, свободу от "тирании большинства", свободу от некомпетентности. Суть этого понимания выразил Дж.Ст.Милль, отмечавший, что над человечеством господствует масса, то есть коллективная посредственность, и необходимо преодолеть давление этой посредственности. Применительно же к экономике либеральная идея довольно полно выражена А.Смитом: "Для того, чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении, все остальное сделает естественный ход вещей".

Свобода в современных экономиках прямо определяет их эффективность. Есть экономическая свобода - и научное открытие естественным образом реализуется в модернизации производства. Нет ее, и достижения науки приходится "внедрять", то есть осуществлять насильственно, под воздействием мощного внеэкономического пресса проталкивать через вязкий пласт незаинтересованности. Есть свобода - и производственная кооперация соединяет теснейшими узами пространственно и технологически разъединенных производителей, нет ее - и кооперация насаждается директивно, и при любом удобном случае рвется, а производители замыкаются в скорлупе самодостаточности. Есть свобода - и укрепляется международная экономическая интеграция, формируется единое мировое хозяйство, поощряется экспорт, осваиваются новые рынки. Нет ее - протекционизм, самозамкнутость подрывают хозяйственный прогресс.

Можно буквально построить график зависимости производительности труда от степени его свободы, эффективности капитала - от степени свободы предпринимательства. Если работник лично свободен, свободен распоряжаться своей рабочей силой, он является субъектом договора купли-продажи, и от того, насколько сильным субъектом он будет, напрямую зависит его благосостояние. Это создает стимул отстаивания им своих политических и гражданских прав, а значит и стимул развития самой демократии. Но благосостояние работника зависит и от того, насколько хорош, привлекателен для покупателя его товар - труд. То есть свобода работника способствует его превращению в гражданина и мастера, развитию его трудовой и социальной сущности. С другой стороны, предприниматель получает свободу от различных феодальных либо командно-административных ограничений и одновременно свободу сколь угодно расширять свое дело, свободу рыночной экспансии.

Прогресс производительности труда и прогресс эффективности капитала взаимно усиливают друг друга. В этом основа современного изобилия, умножения общественного богатства на базисе свободного развития. Несвобода же хозяйствования приводит к директивно устанавливаемым ценам, к жестким дисциплинарным и репрессивным рычагам управления экономическим поведением людей, отношениями труда и предпринимательства. Вводит жесткий протекционизм, обрывает внешнеэкономические связи. В общем уничтожает возможность выбора, а с ним и возможность принятия самостоятельных решений и производителя, и потребителя. Связь производства и потребления перестает быть экономической. Экономика переводится на чрезвычайное, а затем и военное положение. В условиях несвободной экономики пытаются компенсировать низкую конкурентоспособность

своих производств высоким уровнем закрытости и протекционизма, но темпы экономического развития остаются невысокими и неустойчивыми, благосостояние населения растет гораздо медленнее.

Итоги сопоставления этих моделей - свободной и несвободной экономики - подвела послевоенная история. Модель хозяйственной и политической несвободы не смогла решить социально-экономические проблемы и обеспечить развитие производительных сил и рост общественного благосостояния. Экономически эффективное либеральное хозяйствование опирается на частную собственность. Смысл этой "частности" - в противостоянии государственной публичности, то есть открытости для посторонних, неадекватных данному виду деятельности критериев эффективности, инвестирования, распределения и т.д. В экономике, да и во всей системе жизнедеятельности общества в целом выделяются два сектора: общественный ("public") и частный ("private"). И если данное предприятие (или, например, театр) относится к "public", это значит, что в основе принятия решений, касающихся его развития, лежат не специальные критерии (прибыльность или объем продаж - для предприятия, представление режиссера и актеров о предназначении драматического искусства для театра), а критерии общие - что хорошо и полезно для общественного развития, для блага народа.

Понятно, что критерий этот весьма абстрактный и трудно верифицируемый. В тоталитарном обществе его формулирует вождь, в демократическом - политический процесс, то есть деятельность партий, выборы, формирование правительства и его работа (с постоянной оглядкой на избирателя). Но и в том, и в другом случае "расшифровка" общего критерия применительно к данному конкретному объекту - дело чиновничества, бюрократии, номенклатуры. Public это вотчина непрофессионалов или, по крайней мере, профессионалов не в той области, о которой они берутся судить. Политический процесс должен делать лишь то, что не под силу профессионалу, руководствующемуся специальным критерием. В экономике эффективная деятельность свойственна профессионалу в ней - бизнесмену. Подчиненность же внеэкономическим критериям, внеэкономическим способам принятия решений для нее губительна. "Зависеть от царя, зависеть от народа - не все ли нам равно?" "Товар - деньги" ни от царя, ни от народа, тем более от его избранников, зависеть не должны.

В изначальной дилемме: свобода или равенство коммунизм выбрал равенство, либерализм - свободу. А то, что утвердилось под названием "демократия", - это некий симбиоз, попытка соединить свободу и равенство. Свобода несколько ограничивается, равенство несколько смягчается - создается зона неустойчивого равновесия, в которой, как показывает опыт, могут жить и неплохо развиваться человеческие сообщества. Демократия - это прежде всего политическая практика, механизм общественного упорядочения. Либерализм же - идеология. Практика соединима с той или иной идеологией, идеология с идеологией нет. По моему мнению, может быть "демократический социализм", но не может быть "либерального социализма" (равно как и социалистического либерализма).

Теоретик современного либерализма Ф.А. Хайек вывел и поставил в его основание две четкие антиномии: демократия противоположна авторитаризму, то есть режиму личной власти или власти заведомого меньшинства; либерализм противоположен тоталитаризму, то есть жестокому контролю политической власти (которая может быть организована по-разному) над всеми сферами жизни людей. В этих противопоставлениях и состоит вся суть дела. Демократия - власть большинства, указывающего (конечно, по праву, конечно, по закону, принятому им, большинством) меньшинству, как ему жить, априорная правота большинства. Демократия вполне допускает вмешательство государства (как и вообще организо-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ванного большинства) в экономику, культуру, да, пожалуй что, и в частную жизнь. Либерализм - ни в коем случае. Ни моральные соображения, ни вотум парламента или референдума, с либеральной точки зрения, не являются для этого достаточным основанием. Собственность как главное основание прав и свобод граждан не может отчуждаться без выкупа, экспроприироваться ни у какого владельца.

Либерализм исходит из того, что в экономике могут действовать лишь свои экономические критерии принятия решений, как и в литературе, например, театре или живописи - критерии, специфические для них. С квазидемократической точки зрения оправданно существование предприятий, производящих невыгодную, но "нужную обществу" продукцию, или лишь занимающих людей, чтобы не было безработицы. Демократический парламент (а на него влияют фракции, а на них партии, а на них - избиратели) может определять, каким предприятиям существовать, а каким нет. Для либерала это - нонсенс: определять может только рынок. То есть в целом для демократии контроль политически организованного общества над различными иными сферами жизнедеятельности возможен и даже необходим. Либерализм этого не приемлет.

Судьба либерализма всегда не проста. По своим принципиальным антипопулистским содержаниям и форме, большой осмотрительности в отношении с массами, постепенности действий, индивидуалистской политической и жизненной философии либералы обречены на то, чтобы очень часто быть в меньшинстве. Их сила в другом - влиянии на умы активной части населения, делателей политики. Либерализм - фермент рациональности, толерантности, который действует не всплесками, но постепенно. В итоге - в развитых, прежде всего, европейских странах политические (в широком смысле) решения принимаются если не либералами, то под воздействием либерализма. Основа для такого развития событий - индивидуализм общественного сознания, светский характер государства, развитость гражданского общества, в дела которого не вмешиваются ни государство, ни церковь.

2. ДВА ВЕКА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

До сих пор в России судьбы либералов и либерализма в целом были не легкими, не благостными. Либерализм то растворялся в общедемократическом спектре, левел, розовел, краснел, радикальничал, подгонялся популистской волной, то без особого труда разоблачался и уничтожался вместе с его неблагонадежными носителями, то в часы его кажущихся успехов вызывал почти единодушную оппозицию по всем азимутам политического поля.

Либерализм в России возникает на рубеже веков и возникает в крайне неблагоприятных условиях: раскол общества, противостояние власти и интеллигенции, ее поклонение массам, ориентация на соборность (правые) или коллективизм (левые), высокий уровень ожесточения и нетерпимости. Политически либерализм был представлен рядом деятелей конституционно-демократической партии (П.Н.Миллюков, В.И.Вернадский и др.), идеологически - веховством (П.Б.Струве, С.Л.Франк, С.Н.Булгаков и др.).

Основная проблема, можно даже сказать, трагедия русского либерализма состояла даже не в степени его влияния на общество, а в том, что он, по существу, отказался от самоидентификации. Его представители, будучи либералами по своему менталитету, идеям, типу политического поведения, не обозначали свои идеи как либеральные. Большинство веховцев совершило быстрое кометообразное движение по идеологическому небосклону: от социал-демократии, марксизма до православия, то есть от одной формы коллективистской философии к другой. Индивидуализм им, как и большинству русской интеллигенции, представлялся чуждым и опасным. Но такими же чуждыми и опасными оказались они для ортодоксальных

марксистов, большевещующих социал-демократов, с одной стороны, для православной церкви и консервативной околорелигиозной интеллигенции - с другой. Точно так же и в сфере практической политики: несмотря на попытки блокирования то с октябристами (выполнявшими функции российских консерваторов), то с социалистами, они не смогли оказать сильного влияния ни на тех, ни на других. Характерно свидетельство Джона Рида, что в российском общественном сознании Милюков, который все время был опасно левым, стал в 1917 году опасно правым.

Второе рождение либерализма уже в Советском Союзе было связано с правозащитным движением 60-х и особенно 70-х годов. Хотя опять-таки, как и на рубеже веков, он не вычленялся из общедемократического спектра, более того солидаризовался и идентифицировался с любимыми, выступавшими против режима кругами (как, например, в сборнике "Из-под глыб"). Тем не менее, различия были очевидны. Либеральное меньшинство стремилось к созидательной деятельности - развитию общественного правосознания, формированию первых структур и институтов гражданского общества, независимых от тоталитарного государства и тем подрывающих его тоталитарность. Характерна и декларировавшаяся готовность либералов (Сахаровский комитет) идти на взаимодействие с властью - консультировать ее по правовым вопросам. Диссидентское же большинство ставило цель разрушительную - устранение режима.

Это вовсе не означает, что по своим политическим и идеологическим позициям либеральное меньшинство было ближе к официальной идеологии или практике режима. Они были последовательными сторонниками рынка, частной собственности, разделения властей, многопартийности, прав человека. Однако они отдавали себе отчет, что дело не в смене набора ритуальных заклинаний, а в строгом учете реальностей, терпимости и ответственности.

В посттоталитарной ситуации политические шансы российского либерализма весьма неопределенны. Распад официальной метаколлективности сопровождается не самоопределением личности (а это основа либерального выбора), а самоопределением коллективным, прежде всего национальным. Отставание ценностей нового коллективизма приобретает весьма агрессивную форму. Их защита (практически любой ценой) ведет к новой экспансии политической сферы, которая пытается подогнать бизнес, культуру и частную жизнь под свою гребенку, пытается развивать экономику по неэкономическим, а культуру - по надкультурным критериям. Ситуация усугубляется низким культурно-политическим уровнем новой политической элиты, всегда готовой к борьбе за дело народа, но не всегда - делать обыкновенное дело. Борьба зачастую не оставляет места ни для прагматичности, ни - как это ни парадоксально - для идеализма. Либеральное же сознание основано на некоем сложном сочетании обоих этих начал.

Наша страна только совсем недавно начала вывод своей экономики из перманентного режима чрезвычайного, военного положения, а уже несть числа суждениям относительно якобы вызванных этим социально-экономических бедствий, прежде всего, снижения уровня социальной защищенности. Однако экономическая свобода вовсе не является антитезой социальной защищенности. Наоборот, содействуя росту эффективности производства, она создает материальные условия для социальной защищенности. Реальная социальная защищенность вытекает из ничем не ограниченной возможности трудиться и зарабатывать. Понятно, однако, что в обществе есть и те, кто лишен возможности позаботиться о себе (инвалиды, пенсионеры и т.д.). Для них гарантом социальной поддержки является государство. Но эти гарантии тем сильнее и надежнее, чем выше финансовые возможности государства, а они определяются экономической эффективностью хозяйствования, сбалансированностью государственного бюджета.

И тем не менее либеральная идеология достаточно быстро распространяется и оказывает огромное влияние на политический и экономический процессы. Прежде всего, через воздействие на наиболее активных и профессиональных его субъектов. Можно с уверенностью сказать, что значительное большинство квалифицированных экономистов придерживаются либеральных взглядов и ценностей, сходная ситуация в среде политологов, в несколько меньшей степени - в сообществе

юристов, социологов. В этом залог исторического оптимизма российских либералов: как бы ни были крепки позиции их оппонентов, интеллектуальное лидерство, а стало быть и долгосрочные преимущества - на стороне либерализма.

Российский либерализм сейчас видит свою главную задачу в том, чтобы обеспечить политическую стабильность, гарантии эволюционного пути развития. Основной вопрос всякой революции - это вопрос о власти: как ее взять, отстоять, организовать и использовать для решения тех или иных задач. Основной вопрос всякой эволюции - ограничение власти: как сделать принятие решений компетентным, зависящим от знаний и опыта, а не результатов голосования, как добиться "режима нераспространения" политической сферы на иные сферы общественной жизни. Сейчас есть объективные предпосылки для гарантирования эволюционного общественного развития в России. Либералам необходимо обеспечить теперь и их субъективные предпосылки.

3. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА: ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Опыт первых организованных по партийным спискам выборов декабря 1993 года, как и предполагали аналитики, оказал резкое стимулирующее воздействие на процесс консолидации политических партий, и прежде всего Демократического выбора России (ДВР) - партии, объединившей российских либералов слова и либералов дела. До этого по сути существовала только одна действительно организованная, имеющая разветвленные региональные структуры, фиксированное индивидуальное членство, твердую дисциплину партия - Компартия РФ, выступавшая вместе со своими фактическими филиалами Аграрной партией России, а вне парламента - с несколькими мелкими компартиями. Теперь же на двух противоположных флангах стали формироваться организованные, разветвленные партийные структуры.

На либеральном, реформистском фланге политического спектра происходит структурирование ДВР как представителя новых политических и экономических элит, связанных с конкурентным капиталом, эффективной демократией, защитой гражданских свобод, ненормативным способом политического действия. С 1994 года начался новый этап того политического процесса, который на советском языке называется партийным строительством. На первом этапе (1988-1993) партстроительство (в том числе и претендующее на представительство либерализма) было уделом любителей, политической экзотикой, игрой, или же осторожным заделом на будущее. Когда стало ясно, что без сильной партийной организации добиться успеха на следующих выборах будет невозможно, произошла резкая активизация усилий по формированию настоящих, а не потешных, как прежде, политических партий. А когда в ходе работы нового парламента выяснилось, что вне четкой и дисциплинированной фракционной (а значит и стоящей за ней партийной) структуры невозможно также эффективное лоббирование, новая хозяйственная элита стала активно участвовать в партстроительстве, что поставило его (причем сразу во всех политических сегментах) на хорошую организационно-финансовую ногу.

Организация либеральной политической партии в России парадоксальным образом сочетает европейскую и советскую традиции. Европейскую - потому что это парламентская партия, то есть электоральная машина, основная функция которой - мобилизация поддержки своих кандидатов на выборах и организация с их помощью принятия необходимых политических решений. В отличие от американских, европейские партии работают не только в период выборов, но постоянно, вовлекая своих членов в политическую активность разного рода. Советскую потому, что степень жесткости инфраструктуры значительно больше, чем у традиционных европейских партий. Уставные документы ДВР весьма близки к соответствующим документам КПСС. Прежде всего, это относится к индивидуальности членства, соотношению прав и обязанностей членов партии, структуре и функциям партийных органов, процедуре приема в партию и т.д. И это понятно, поскольку именно в области организационного строения, внутривнутрипартийной дисциплины у коммунистов были неплохие результаты. Такой подход вполне логичен, он во многом определяет дееспособность формирующейся партии.

Однако в переходный период, когда традиций идентификации определенного электората с определенной партией еще нет, крайне важным становится и иной аспект: соотношение внутренней партии (в отличие от оруэлловского образца формально это не только аппарат, но и все собственно члены партии, а по сути - ее актив) и внешнего круга - сочувствующих, симпатизирующих (не столько даже партии, сколько ее лидерам или определенным идеям). При этом традиционно предлагаемый институт сочувствующих или "друзей партии" малоэффективен, на наш взгляд, поскольку усредняет статус разных людей с разной степенью идентификации с партией, а главное - никак не способствует расширению электората, поскольку объединяет людей уже ощущающих себя электоратом либеральной партии. Другое дело - вариант множественности типов по-разному связанных с партией (в идейном, организационном, финансовом и т.п. смысле) клубов, ассоциаций, кружков, землячеств и т.д., как специально создаваемых партией, так и возникших самостоятельно, но постепенно вовлеченных в партийную орбиту.

Прежде всего, это элитарные клубы интеллигенции, которые могут создаваться на базе близких партии газет, университетов, научных и культурных учреждений (часть из них может быть объединена в ассоциации). Члены этих клубов смогут получать здесь специально подготовленную статистическую и аналитическую информацию, видеоматериалы, консультации, просто общаться. Деятельность таких клубов, как свидетельствует европейский, в частности французский и итальянский опыт, дает вполне осязаемый результат расширения электората, формирование идейного лидерства партии во всех важных для нации направлениях, подбор потенциальных политических, социальных, идеологических лидеров, осуществление необходимых для проведения политики партии исследований, аналитических проектов, соответствующая подготовка общественного мнения.

Весьма эффективны региональные ассоциации либерально ориентированного бизнеса (в основном малого и среднего), оказывающие своим членам разные виды финансовой, консультационной поддержки, защиту от мафиозного и бюрократического рэкета, представительство их интересов перед региональными и федеральными властными институтами, лоббирование полезных им экономико-политических решений и т.п. Примерами такого рода ассоциаций являются и региональные отделения уже существующих Ассоциации приватизируемых и частных предприятий и Ассоциации крестьянских и фермерских хозяйств. Заслуживают пристального внимания в плане стратегического взаимодействия объединения граждан-собственников в их разных ипостасях: ассоциации акционеров чековых инвестиционных фондов, крупных компаний, ассоциации собственников привати-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

зированной жилья, возможно, самая крупная и политически значимая из них - ассоциация налогоплательщиков. ДВР стремится посредством консультаций, лоббирования, иной поддержки оказывать регулярное содействие членам этих объединений.

Потенциально весьма эффективными могут быть объединения типа "хороший работодатель - хорошие работники", включающие персонал успешного частного предприятия, хозяин которого сориентирован либерально. Это, с одной стороны, форма социального партнерства, патерналистской опеки предпринимателя над "синими воротничками", с другой - форма участия рабочих в делах фирмы, выработки командного духа. Главное же - это форма политической, прежде всего, электоральной мобилизации рабочих без опасности социальной дестабилизации. На наш взгляд, эти объединения явились бы наиболее надежной и эффективной формой поддержки находящегося в либеральной орбите профсоюзного движения, сориентированного на партнерство, сотрудничество, рыночную трансформацию страны. Без опоры на профсоюзы либералам не мобилизовать электоральную поддержку в традиционно далекой от либерализма рабочей среде. Являющиеся ныне формальными союзниками либеральной партии так называемые "новые" профсоюзы (романтического периода) эту функцию выполнить не могут, поскольку основательно разращены опытом социального шантажа, давления на власти и т.д.

4. ЛИБЕРАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ: ОТ СОВЕТСКОСТИ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ

Для либералов нормальной средой деятельности является среда парламентская. До 1994 года, т.е. в Верховном Совете, депутат по сути не был ответственен ни перед фракцией, ни перед партией, ни перед избирателями своего округа, ни перед страной и народом в целом, но лишь перед теми, чьи интересы он лоббировал, кто платил ему и заказывал музыку. Отдельные депутаты, их группы и объединения были лишь лоббистами той или иной территории, а по большей части - той или иной хозяйственной структуры, а то и вообще собственного бизнеса.

Государственная Дума при всех ее недостатках функционирует все-таки по парламентским принципам. Организованные, сплоченные и дееспособные фракции, формирующиеся вокруг них партии изменяют саму суть отечественного парламентаризма. Депутаты теперь все более переходят к собственно политической деятельности. Начал действовать механизм ответственности депутата перед фракцией, формируется механизм ответственности перед партией, то есть в конечном счете перед определенным социальным слоем с его интересами. Конечно, лоббирование определенных интересов продолжается, но теперь оно все в большей степени становится лоббированием социально упорядоченных интересов. Оно становится возможным и действенным уже не на индивидуальной, а на партийной основе.

Только те интересы эффективно лоббируются, которые представлены в парламенте на фракционно-партийном уровне. Характерный пример - прохождение государственного бюджета 1994 года через Думу. И нефтегазовое, и аграрное лобби, хорошо представленные не только на уровне исполнительной власти, но и в парламенте (соответственно фракциями Новая региональная политика и Аграрная партия) получили в бюджете практически весь желаемый объем субсидий. А военно-промышленный комплекс, традиционно получавший львиную долю, оказался обделенным именно потому, что не представлен в Госдуме на организованном фракционно-партийном уровне, а его потенциальные лоббисты из ЛДПР и ДПР еще не успели сорганизоваться и наладить с ним настоящие связи. Вообще говоря, свято место пусто не бывает, и если какой-нибудь существенный корпоративный интерес не лоббируется или лоббируется явно неадекватно его масштабу, то следу-

ет ожидать формирования политической силы, которая бы взяла эту функцию на себя.

Реформаторам следовало бы более четко отслеживать корпоративные интересы, причем в их динамике, а также их политическое представительство, дабы не допустить роста на этом представительстве профашистских сил. Сейчас, например, наряду с интересами военно-промышленного комплекса политически, лоббистски мало представленными оказались интересы формирующихся элит российской диаспоры в ближнем зарубежье, новой "внешнероссийской" буржуазии. Их пытаются, и подчас безуспешно, перехватить различные спекулирующие на панроссийской идее организации типа Конгресса русских общин. А между тем именно они являются естественными союзниками российских либералов, а те, в свою очередь - естественными политическими выразителями их интересов. Дело в том, что в отличие от буржуазии метрополии буржуазия диаспоры несравненно менее монополизирована и номенклатуризирована. Это в основе своей именно конкурентный капитал, на который как раз и ориентируется российский либерализм.

В результате фракционно-партийного структурирования парламент становится гораздо более предсказуемым. В нем уже почти невозможны и уж во всяком случае крайне затруднены столь популярные в бывшем Верховном совете легкие переходы с правого на левый (или наоборот) фланги политического спектра. Гораздо более логичными и часто наперед ясными становятся результаты голосований, содержание предлагаемых законопроектов. В целом Госдума становится местом, вполне подходящим для решения задач либеральной партии, демонстрации ее идейного лидерства в обществе.

5. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА

В этом новом политическом раскладе и происходит столкновение важнейших на сегодняшний день экономических интересов, принимающих форму политического противостояния, идеологических, а то и философских дискуссий. Находящееся в центре водоворота этих конфронтаций столкновение агрессивного национализма, а также так называемой державности (представляющей собой национализм официальный, легитимный, "респектабельный") с либеральным реформаторством выражает противостояние двух крыльев отечественного капитала, двух вариантов капиталистического развития России.

Агрессивный национализм обеспечивает политическое прикрытие той части российского капитала, которая не готова к нормальной конкурентно-рыночной среде и правилам деятельности в ней, не может выдержать конкуренцию ни внутри страны, ни на мировых рынках. Основа их существования - эксклюзивность, аномальность их положения, получение и монополизация различных льгот и привилегий в финансовой, налоговой, таможенной, кредитной и иных сферах. Либеральные реформаторы политически представляют интересы конкурентного капитала, несращенного с госбюрократией, самостоятельного, сориентированного на открытость экономики и свободную рыночную конкуренцию.

В ходе буржуазного развития новой России, накопления капитала главным противоречием является не противоречие по линии форм собственности - государственной или частной, не противоречие по линии функциональных форм - промышленного, торгового или финансово-банковского капитала, не по линии корпоративной - противоречие различных отраслевых или региональных хозяйственных элит. Это даже не противоречие национального и международного капитала. Это противостояние конкурентного капитала, то есть капитала, способного работать без государственного протекционизма, без бюрократической опеки, эксклюзивных преимуществ, и неконкурентного капитала, спекулирующего идеями государствен-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ного протекционизма, паразитирующего на ситуации политической и экономической нестабильности, высокой инфляции, неурегулированных прав собственности, чрезмерного государственного вмешательства в экономику, причем вмешательства, осуществляемого слабым, некомпетентным, недисциплинированным и в значительной степени коррумпированным государственным аппаратом

Выражающие интерес неконкурентного капитала политические силы по сути защищают его от попадания в губительные для него нормальные конкурентно-рыночные условия, от конкуренции как со стороны иностранного капитала (это достигается посредством введения таможенных и нетарифных ограничений внешней торговли, сохранения высокого уровня инвестиционных рисков - финансовых, и политических), так и со стороны конкурентного отечественного капитала (посредством предоставления подопечным группам неконкурентного капитала льготных кредитов, налоговых льгот, включения их в государственные инвестиционные программы, участники которых получают преференционное бюджетное финансирование)

Борьба неконкурентного капитала с конкуренцией иностранного капитала путем повышения барьера инвестиционных рисков, ограничивающего прилив иностранного капитала в Россию особенно обострилась в самое последнее время. В конце 1994 г. произошли просто вопиющие события. Во-первых, Совет Безопасности в результате "разборки" по поводу октябрьского валютного кризиса (1994 г.) принял решения, направленные против деятельности коммерческих банков, связанных с внешнефинансовой и валютной сферой. Таким образом международное банковское сообщество получило ясный сигнал в России деятельность коммерческих банков в любой момент может быть объявлена без всяких на то оснований преступной, валютное законодательство может быть резко изменено, с приходом сюда лучше повременить до выяснения обстоятельств. А это значит, что российскому бизнесу еще долго не видеть такого качества финансово-банковских услуг, которое способствует завоеванию мировых рынков.

Во-вторых, декабрьский (1994 г.) демарш тогдашнего председателя Госкомимущества В.П.Полеванова против приватизации (уже осуществленной) алюминиевой промышленности, предложения по ее ренационализации. В узком смысле это - удар по иностранным инвесторам алюминиепроизводящих предприятий, попытка создать в этой отрасли заповедник неэффективности, законсервировать условия, при которых предприятия могут существовать лишь при использовании крайне дешевой (государственно субсидируемой) электроэнергии (а значит иметь и

в будущем основание для государственного контроля цен и сохранения госбюджетных субсидий). Получается, что в России по-прежнему, как и во времена "красногвардейской атаки на капитал", бал правят не ответственные законодатели, государственные деятели, чиновники и бизнесмены, а безответственные временщики, красно- и розовогвардейцы.

В-третьих, странная деятельность как раз в буквальном смысле "гвардейцев" - президентских (по названию и спецправам и спецобслуживанию, но не по контролю - точно так же как преторианцы в Римской империи на самом деле никому, в том числе и своему принципалу, неподотчетных и самодостаточных) спецслужб. То они наезжают на коммерческий банк и этим еще раз доказывают: в России никому никаких гарантий нормального, охраняемого законом бизнеса не дают. То начальник этих спецслужб вмешивается в дела Правительства, направляя официальное письмо премьер-министру фактически с указаниями (совершенно анекдотическая, неправдоподобная в своей фарсовости и, тем не менее, вполне реальная ситуация) о необходимости ужесточения внешнеэкономического регулирования деятельности топливно-энергетического комплекса. В узком смысле это

опять-таки попытка оградить российские топливно-энергетические отрасли от открытости, интеграции в мировое хозяйство, перехода на мировые цены и рыночное ценообразование, попытка, следовательно, законсервировать государственное вмешательство в ценообразование, дотационность, субсидии, неплатежи - всю ту ненормальную экономическую среду, в которой так вольготно себя чувствует неконкурентный капитал.

В широком же смысле - это еще одно доказательство того, в какой зависимости от внеэкономических и неправовых обстоятельств находится любая, в том числе и иностранный, предприниматель в России, еще одна антигарантия инвестиций. Те эксклюзивные условия и привилегии, которые позволяют неконкурентному капиталу существовать и за которые он готов, как показывает практика последнего времени, бороться самыми агрессивными методами, обеспечивают неконкурентному капиталу возможность присваивать немалую ренту, представляющую собой часть перераспределяемых через бюджет средств налогоплательщиков. Получая эту ренту, он подкармливает свое политическое прикрытие, выражающие его интерес политические партии.

Происхождение этой ренты связано с избыточной ролью государства в экономике. Чем выше уровень налоговых изъятий, тем больше доля валового национального продукта, перераспределяемого через госбюджет, тем больше величина средств, которые под благовидным предлогом защиты той или иной отрасли, решения социальных проблем, поддержки территорий, отстаивания принципиальных государственных интересов отчуждаются через систему все тех же кредитных, налоговых, таможенных, инвестиционных и иных льгот и преференций в пользу неконкурентного капитала, и которыми он делится с плотно сросшейся с ним государственно-бюрократической номенклатурой. Таким образом, налогоплательщик - будь то физическое или юридическое лицо - платит дань номенклатуре и неконкурентному капиталу. Кроме всего прочего, такое положение вещей замедляет выход из кризиса и начало экономического подъема. Ведь неконкурентная буржуазия нацелена вовсе не на инвестирование в отечественную экономику, а на вывоз капитала за границу. Сокращается и совокупный внутренний спрос за счет перераспределения в ее пользу средств граждан, рядовых налогоплательщиков.

Неконкурентный капитал, конечно, внутренне неоднороден, имеет свою структуру. В нем можно выделить два отряда. Первый - более крупный, старый, традиционно советский по происхождению (различные корпорации, ассоциации, объединения, созданные на базе прежних отраслевых ведомств и унаследовавшие их госбюджетные по происхождению ресурсы, а также каналы приращения этих ресурсов через различные государственные программы), лучше организованный, теснее сросшийся с государственным аппаратом. Второй - несколько меньший по масштабам, менее организованный, более молодой по происхождению, маргинальный (то есть возникший зачастую внешнеэкономически - начавшийся с использования денег КПСС, КГБ, а то и явно криминальных структур), не успевший срастись так явно с госаппаратом в целом и вынужденный поэтому работать через отдельные бюрократические звенья аппарата, используя в этой работе такой испытанный инструмент, как взятка. Эти различия порождают противоречия и борьбу между маргинальным и традиционным неконкурентным капиталом за свою долю в перераспределении госбюджетных средств.

Политически их представляют разные силы с различными идеологиями, также ведущие борьбу между собой. Традиционно-советский неконкурентный капитал представляют "легитимные" державники (фракции Новая региональная политика, Женщины России, отчасти аграрники, отчасти ПРЭС, а в исполнительной - В.И.Большаков, А.Х.Заверюха, Ю.М.Лужков и др.). Маргинальный неконкурент-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ный капитал представляют агрессивные националисты (фракции ЛДПР, отчасти ДПР, группа Российский путь, а также внесистемная оппозиция - А.В.Ручкой и иже с ним).

В отличие от неконкурентного конкурентный капитал заинтересован не столько в протекции государства, сколько в возможности проявить свои, объективно ему присущие преимущества: низкая цена рабочей силы в России при ее высокой квалификации, огромный потенциал высоких технологий, мощный сектор исследований и разработок, особенно в оборонном секторе, колоссальные запасы природных ресурсов, очень емкий и быстро растущий внутренний рынок.

Для того, чтобы реализовать эти свои объективные преимущества на практике конкурентному капиталу нужны по меньшей мере три предпосылки:

1. Политическая и экономическая стабильность, позволяющие инвестировать в высокие технологии, в производство, в инфраструктуру. Конкурентному капиталу по самой его природе узки рамки финансовых спекуляций вокруг бюджетного субсидирования северного завоза или весеннего сева, игры с государственными дешевыми деньгами. Он должен, используя национальные и исторические преимущества, обеспечить более низкий уровень сравнительных издержек производства, и на этой основе победительно ворваться на мировые рынки товаров, технологий, услуг. Речь идет о сравнительных издержках именно производства. Именно здесь сконцентрированы преимущества отечественного конкурентного капитала. Политическая и экономическая стабильность в стране, объективно выгодная конкурентному капиталу и создающая серьезные проблемы для капитала неконкурентного, означают и высокую степень предсказуемости динамики политико-экономической ситуации, и гарантии от политических рисков, и стабильность национальной валюты.

2. Снижение уровня государственного вмешательства в экономику, доли налоговых изъятий государственного бюджета в ВВП. Чрезмерное налоговое бремя, установленное ныне в России, во-первых увеличивает издержки производства и тем снижает конкурентоспособность (неконкурентный капитал компенсирует эти потери за счет различных финансовых льгот и преференций, но для конкурентного - это не подходит, поскольку указанные преференции действуют только на российской территории, а поле конкуренции - весь мир, совокупность мировых рынков, причем на протекционистские меры российских властей наши торговые партнеры отвечают протекционизмом же, отсекая российский бизнес от крайне выгодных для него рынков). Во-вторых, провоцирует неуплату налогов, перевод хозяйственных операций в нелегальную налично-денежную сферу, что способствует тому, что каждая из этих операций становится нестандартной, немассовой, а шансы конкурентного капитала связаны именно с массовостью, стандартностью операций, позволяющими опять-таки конкурировать во всем мире.

3. Открытость экономики, ограничение, а в перспективе - полное прекращение государственного протекционизма, подлинно либеральная экономическая (прежде всего - внешнеэкономическая) политика, то, что традиционно в Европе называлось фритредерством. Этот европейский спор XIX века между фритредерами и протекционистами оказался крайне актуальным для России XX века. Нелишне напомнить, что история дала ясные аргументы в пользу фритредерства - те государства, которые проводили политику свободы торговли, развивались гораздо успешнее и быстрее. Тенденция к отставанию того или иного государства в экономическом развитии от своих соперников всякий раз сменялась впечатляющими хозяйственными успехами, как только осуществлялся переход от политики протекционизма к фритредерству и экономическому либерализму (например, послевоенные Германия и Италия). Именно открытость экономики и позволяет проявиться

МИР РОССИИ. 1995. №2

преимуществам российского конкурентного капитала в области сравнительных издержек производства.

Политическим выразителем интересов конкурентного капитала (с которыми, по нашему мнению, в настоящее время объективно смыкаются национальные интересы России и подавляющего большинства россиян - высокий уровень сбережений и инвестиций, основанный на этом высокий темп экономического роста, в свою очередь дающий рост национального дохода и среднедушевого дохода граждан, занятость и улучшающийся уровень жизни) как раз и является партия "Демократический выбор России". В ДВР органически переплелись либерально-реформаторские ориентации российской интеллигенции (первое правительство реформ Е.Т.Гайдара, его интеллектуальные и политические наследники в руководстве партии) и фритредерские, инвестиционные ориентации конкурентного капитала - новый негосударственный бизнес, руководители приватизированных крупных конкурентоспособных предприятий, таких как Автоваз, "Норильский никель", "Аммофос", "Пермские моторы" и т.п.).

Таким образом, ДВР является либеральной партией в полном смысле, точнее в обоих исторически определенных смыслах. Как партия реформаторской интеллигенции это - либеральная партия в политическом ("американском") смысле - т.е. партия прав человека, прежде всего, права частной собственности, неприкосновенности личности, гражданских свобод: свободы убеждений, выбора деятельности, слова, собраний и т.д. Как партия реформаторской буржуазии это - либеральная партия в экономическом ("европейском") смысле - партия свободы торговли, свободного движения капиталов, товаров и услуг, свободы частного бизнеса от бесконтрольного и немотивированного вмешательства государства в его деятельность.

Этого единства и взаимодополнения интересов еще не было в 1991-1993 годах. Поэтому и первое правительство реформ, и движение "Выбор России" в 1993 г. были скорее субъективно либеральными (по воззрениям их руководства), но действовавшими на чужом, номенклатурном поле политической игры. Отсюда вытекали и их объективные слабости. Смыкание субъективного и объективного начал отечественного либерализма существенно повышают его шансы на победу в политической борьбе, а следовательно и на формирование в России цивилизованного капиталистического общества, развитого конкурентного рынка.

6. КТО ЕЩЕ?

Существенный вопрос - в какой степени Демократический выбор России является монополистом либеральной идеологии и реформистской политики в России? Ответить на него можно лишь методом постепенного приближения. Круг претендентов здесь примерно таков: ЯБЛОКО, Союз 12 декабря, а из внепарламентских - Демроссия, РДДР. (ПРЕС, которую еще осенью 1993г. рядили в либерально-реформаторские одежды, ныне, полагаем, в либералы не запишут даже ее лидеры). Анализ заявлений лидеров указанных партий и движений, их программных документов, социальной базы, интересов, выражаемых ими, вариантов предлагаемой ими политики указывает на то, что к либерально-реформаторским силам можно с некоторыми натяжками отнести большую часть Союза 12 декабря.

Проблема взаимодействия выбороссов и декабристов, единства их действий, понимания совместной ответственности за судьбы демократии и реформ в России становится поэтому весьма актуальной. Что же касается других претендентов, то они по разным причинам не выдерживают критериев либерального реформизма. Например, Демроссия. Все здоровые силы в ней вошли в ДВР. Те же, что не вошли, и теперь пытаются сформировать партию под прежним названием - явные

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

маргиналы в отечественной политике, не представляют по сути ничьих интересов, кроме интересов люмпенизирующейся части отечественной интеллигенции, "образованцев". Демроссия теперь движение чисто популистское (только это правые популисты, в то время как жириновцы и коммунисты - левые популисты). РДДР после полного провала на парламентских выборах представляет собой лишь узкую группировку демократических лидеров вчерашнего дня (Г.Х.Попов и др.), не пользующихся влиянием ни среди народа, ни среди элиты.

Сложнее обстоит дело с ЯБЛОКом. Оно авторитетно в кругах либеральной интеллигенции, состав его парламентской фракции - вполне реформистский и интеллектуально продвинутый. Однако анализ позиций его лидера - Г.А.Явлинского - показывает, что происходит, к сожалению, его более или менее явная трансформация в сторону либерально окрашенного популизма. В структуре российского электората Явлинский занимает теперь скорее бывшую нишу Н.И.Травкина. Поэтому, на наш взгляд, весьма вероятен раскол ЯБЛОКа и, соответственно, его электората на либералов и либеральных популистов.

Вполне вероятно также и выделение околлиберальной составляющей в ходе поляризации ДПР, которая, как целое, конечно, не сможет безропотно пойти за глазьевским экстремизмом, а также и при поляризации ПРЕС и удалении из него пронационалистического загулинского крыла. Союз ДВР с этими близкими к либералам (возможно, вынужденно близкими) "фракциями во фракциях" жизненно важен для российских реформ. Другие части ПРЕС, ДПР, ЯБЛОКа, Союза 12 декабря, вероятно, найдут себе союзников в несколько иной части политического спектра.

7. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДУАЛИЗМ

Анализ результатов голосований по существенным вопросам в Государственной думе показывает, что решения принимаются в большей степени в соответствии с интересами неконкурентного капитала, чем с интересами капитала конкурентного. Это связано не только с фракционно-партийным балансом сил в Думе, но и с некоторыми другими обстоятельствами. Временный перевес неконкурентного капитала во многом, очевидно, связан и с позицией исполнительной власти, точнее говоря, Правительства, у которого есть огромные возможности вносить и отстаивать в парламенте свои проекты решений по важнейшим политическим и экономическим вопросам. Поскольку в Правительстве преобладают представители кругов, близких к неконкурентному капиталу (премьер, один из двух первых вице-премьеров, практически все вице-премьеры, многие министры), постольку линия Правительства (как у всякого, не имеющего собственной стратегии сообщества, она складывается у него как равнодействующая всех представленных в нем сил) отражает его лоббистские интересы.

С другой стороны, Правительство как орган, ответственный за реальное состояние экономики, не может быть только выразителем определенных групповых интересов, но является и выразителем общезыяственного интереса сохранения и воспроизводства самих условий экономической жизни. Поэтому экономическая политика и действия правительства гораздо реалистичнее, чем могли бы быть, исходя из структуры представленных в нем политических сил. Этим объясняется и проведение им хоть и непоследовательной, но в принципе стабилизационной финансовой политики, курса на урегулирование отношений собственности, их легитимизацию в процессе приватизации, да и в целом несвертывание реформ. Этим же объясняется и наметившаяся в последнее время (в том числе и у самого премьера) тенденция к укреплению реформистского курса и реформистской политики.

Двойственность позиции Правительства как одновременно органа и партийного, и надпартийного ведет к двойственности и непоследовательности его экономического курса (вопрос о наличии у Правительства собственной экономической политики является дискуссионным): как надпартийный орган хозяйственного (преимущественно оперативного) управления оно обязано, например, балансировать госбюджет, соотносить его доходные и расходные статьи, оно обязано выполнять или, по крайней мере, демонстрировать готовность выполнять свои международные обязательства, в том числе и обязательства перед Международным валютным фондом, Мировым банком и иными международными финансовыми организациями (а это, прежде всего, и есть обязательства по проведению стабилизационной финансовой политики и приватизации), оно обязано совместно с Центральным банком поддерживать курс национальной валюты. То есть, эта надпартийная позиция диктует необходимость проведения относительно рационального и ответственного экономического курса.

С другой стороны, как сугубо партийный орган представительства весомых корпоративных интересов Правительство вынуждено проводить курс, складывающийся как равнодействующая этих корпоративных интересов, давать и выполнять (в той мере, в которой это позволяет его надпартийное оперативно-хозяйственное функционирование) различные хозяйственно-финансовые обязательства перед силами, выражающими эти корпоративные интересы в меру весомости представительства этих сил в правительстве.

Отсюда и периодически проявляющаяся двойственность и непоследовательность проводимого Правительством курса, а подчас и просто отсутствие у него определенной экономической стратегии. Поэтому, например, осуществляемая им финансовая стабилизация проводится то явно, то скрытно, долгое время сопровождаясь раздацией обязательств, противоречащих ее сущности. Столь же двойствен курс приватизации: представленные в Правительстве лоббистские группы и корпоративные интересы диктуют принятие различных ведомственных или региональных (характерный пример - московская приватизация) планов приватизации как отступлений от или исключений из государственной программы приватизации, разработанной Госкомимуществом. И дело здесь не только в прогрессивности А.Б.Чубайса и Госкомимущества и регрессивности отраслевых генералов, но и в том, что первые отстаивают обобщенный, федеральный, социальный интерес, в то время как вторые - частный, корпоративный.

Элемент двойственности есть и в позиции другой ветви исполнительной власти - президентских структур. С одной стороны, это связано с тем, что в Администрации Президента лоббистские группы также представлены довольно весомо. Здесь соотношение сил напоминает то, которое сложилось в Правительстве в 1993г. - то есть примерный баланс сил реформистских и нереформистских без перевеса той или иной стороны. Двойственна и сама фигура Президента Б.Н.Ельцина. Являясь в течение длительного времени гарантом демократического развития России и в целом поддерживая реформы, он вместе с тем склонен к компромиссам, подчас оправданным, но нередко и нет. И если в собственно политической сфере границы допустимого и само содержание компромиссов ему в основном ясны, и здесь цена компромиссов, как правило, оказывается в пределах разумного, то в экономической сфере этой ясности нет. Поэтому политически лояльная фигура может навязать Президенту совершенно нереформистские в экономической смысле решения (как Ю.М.Лужков в сфере приватизации в Москве).

Весьма важно для развития политического процесса соотношение сил внутри исполнительной власти между президентскими и правительственными структурами. Для сегодняшней России это особенно значимо, поскольку у нас гла-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ва исполнительной власти - Президент и ее основное звено - премьер-министр и кабинет оказались представителями разных политических партий (прекрасные личные отношения существенной роли не играют).

В течение 1993-1995 гг. происходило постепенное усиление позиций правительства и лично премьера В.С.Черномырдина. Отдав ему фактически полностью всю экономическую сферу, Президент, с одной стороны, снял с себя значительную долю ответственности за социально-экономическую ситуацию в стране, получил существенно большую свободу маневра (возможность отмежевываться от непопулярных решений, критиковать, подправлять курс правительства, позволять себе некоторый уровень политически рентабельного популизма и пр.). Однако, с другой стороны, утрата в значительной мере контроля за осуществлением экономической политики, инициативы в этой области чревата и серьезными политическими потерями.

Важнейшие экономические и политические силы страны, представители крупного государственного и частного бизнеса, региональные лидеры, поняв, что их вопросы решаются не столько в Кремле, сколько в Белом доме, начали соответственно менять и свои политические ставки. Подобные ориентации, похоже, начали усиливаться и в среде генералитета армии, служб безопасности, правоохранительных органов. Вероятно, именно понимание этой взаимосвязи политики и экономики в современных российских условиях и подвигло Президента Б.Н.Ельцина на решительный перехват экономической инициативы посредством принятия серии известных пакетов экономических указов летом 1994 г. До этого момента он в основном пользовался традиционным и привычным для него методом попеременной поддержки то одной, то другой группировки, то одной, то другой линии (Гайдара против Лобова, Чубайса против Черномырдина, Лужкова против Чубайса, Федорова против Заверюхи, Геращенко против Федорова, Сосковца против Черномырдина и т.д. и т.п.). Однако с течением времени этот прием становился все менее действенным по мере того, как Правительство становилось на деле все более коалиционным.

Другой формой восстановления роли и влияния Президента в принятии основополагающих экономических решений явилась умелая игра на возникших серьезных противоречиях между Думой и Правительством. В результате близкого к успешному голосованию вотума недоверия Правительству единственным гарантом его политического выживания остался Президент, что резко усилило зависимость Правительства от него. Последовавшие на этом фоне кадровые перестановки позволили вновь приблизить расклад сил в Правительстве к тому, который был на рубеже 1992-1993 гг., и дают некоторые основания полагать, что либеральные реформы не будут свернуты, а при некоторых обстоятельствах и получают новый импульс.

Однако параллельно с этим околопрезидентские "теневые политики" избрали еще одну стратегию - создание "параллельного правительства" под их контролем. В этом втором центре принятия экономических решений объединились аппарат Совета Безопасности, аналитические подразделения службы безопасности Президента, некоторые подразделения аппарата Правительства и отдельных ведомств, близких к первому вице-премьеру О.Сосковцу. Эта тенденция, в противовес предыдущей, реформаторской, носит реставраторский характер, и принятие существенных экономических решений во многом становится результатом борьбы этих двух тенденций. Причем степень ожесточенности этой закулисной борьбы никогда, пожалуй, еще не была столь ожесточенной.

8. ПРИОТКРЫТИЕ ПОЛИТИКИ

Таким образом к концу 1994г. сложилось новое равновесие основных политических сил в новой государственно-политической ("декабрьской") структуре. Все ее составные части: Президент и его Администрация, Правительство, Госдума с представленными в ней фракциями, Совет Федерации, региональные власти, политические партии, крупный государственный и частный бизнес как бы заключили временный пакт о ненападении и выжидают изменения ситуации, чтобы с новыми силами принять участие в борьбе за передел политического пространства. Однако есть основания полагать, что борьба будет теперь вестись более аккуратно, в рамках существующих законов, или негласных, но выполняемых договоренностей основных политических сил и, вероятно, в большей степени под контролем населения.

Характерный пример - тур политической борьбы вокруг Правительства и его программы в октябре 1994г. после пресловутого "черного вторника" (острейший биржевой кризис на валютной бирже - падение курса рубля в одночасье на 30%). Смолкнувшие было на время дебаты развернулись с новой силой. Конечно, многое здесь было в добрых старых традициях советской кадровой политики - снятие министра финансов, председателя Центробанка и министра сельского хозяйства, доклад Совета безопасности с его оргвыводами относительно настоящего квалифицированных специалистов и частных определений в адрес коммерческих банков-"заговорщиков". Однако многое другое - определение позиций партий, относительно цивилизованный торг между Президентом, Правительством и парламентом в ходе вынесения, обсуждения и голосования вотума недоверия кабинету Черномырдина - происходили при гораздо более ясных правилах игры и относительно высоком уровне публичности. То есть, если есть политически и организационно структурированный парламент, то даже не решения, а хотя бы обсуждение им проблем придает им новый, более высокий статус.

Другой пример - чрезвычайная ситуация, сложившаяся вокруг Чечни, развязывание военных действий на территории России. Власти подготовили и осуществляли эту, с позволения сказать, операцию закрыто от общества, что соответственно породило противостояние общества и власти. Конечно, формы этого противостояния далеко не укладываются в нормы парламентской демократии, но все-таки это и не традиционно-советские нормы "тащить и не пущать", с одной стороны, "чем хуже, тем лучше", с другой. Власти и общественность действуют в рамках определенных правил, не стремясь вести борьбу на поражение политического противника, с другой стороны - не стремясь, по крайней мере явно, обвинить общественность в поражениях власти и развязать против нее террор, хотя бы и моральный. Партии мира и войны, являясь отчасти идеологическими, но отчасти и ситуационными, не могут свести вопрос своего собственного существования и политического успеха к одной этой, хотя бы и очень важной, проблеме. Необходимость готовиться к будущим противостояниям по другим проблемам удерживает их от стратегии и тактики "последних и решительных боев" и позволяет сохранить минимально необходимый уровень "европейскости".

В целом это свидетельствует о серьезных переменах. Если прежде политическая борьба в России в точности соответствовала определению У. Черчилля "схватка бульдогов под ковром", то теперь завеса ковра приоткрывается. Политическое действие становится чуть более открытым, приоткрытым. Большая, открытость, большая публичность вытекают и из упорядочения парламентской структуры, и из партийного структурирования, а главное - из того, что гражданское общество постепенно формируется, и граждане, их объединения, бизнес становятся не

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

только объектами, но и субъектами политического действия. Становится чуть труднее ими манипулировать, выступать без всяких на то оснований от их имени.

Степень открытости политики напрямую определяется степенью открытости экономики. Всегда в истории протекционизм опирался на тоталитарные либо авторитарные режимы, на "законы военного времени". Фритредерство же шло рука об руку с парламентской демократией. Для того чтобы запрещать торговлю, нужны штыки, разрешить торговать можно и без их помощи. Реформы по либерализации экономики взрастили "третье сословие" - конкурентную отечественную буржуазию. Закрытая политика ущемляет его интересы, отдает его "на поток и разграбление" совокупному госбюрократу, сила которого в его потаенности, бесконтрольности. Теперь конкурентная буржуазия сможет поддержать либерализацию политики, ее деноменклатуризацию, переход к открытости.

Политические либеральные реформы имеют немало аналогий с экономическими. Финансовой стабилизации, укреплению национальной валюты соответствует политическая стабилизация, укрепление национального законодательства. Снятие государственного диктата над транзакциями соответствует либерализации политики, снятие государственного диктата над гражданским обществом. Демонопользации экономики соответствует деноменклатуризация политики, поскольку номенклатура является крупнейшим монополистом политического действия. Открытости экономики, привнесению в нее внешней конкуренции соответствует открытость политики, привнесение в нее конкуренции внешних, неноменклатурных сил. Это самая общая тенденция либерализации политической жизни. На практике она осуществляется с массой компромиссов, отступлений, уступок и пр. Поэтому относительно нынешней политической ситуации можно повторить слова заголовка: переход к приоткрытой политике. Что же - это тоже достижение.

9. НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Мы уже касались вопроса об организационной стороне проблемы эффективности деятельности либеральной партии в сегодняшней России. Идейная же сторона состоит в правильном понимании основных вызовов нынешнего периода и предложении своих, привлекательных и эффективных, ответов на них. Интересно при этом, что здесь налицо большое сходство с ситуацией и проблемами, стоящими перед европейскими либеральными партиями (разумные современные правые). Это прежде всего: а) проблема формирования новой политической и связанной с ней экономической элиты, которая даже формулироваться может в привычных нам терминах преодоления традиционной номенклатуры и выхода в новое неноменклатурное, некастовое поле принятия политических решений; б) проблема "нового Отечества" - формирование нового метagosударственного европейского (для нас СНГовского) единства в увязке с субгосударственным региональным уровнем; в) проблема обеспечения экономического роста в условиях сочетания традиционных либеральных ценностей с социальными обязательствами государства перед своими гражданами (унаследованными от предшествующих социалистических правительств и уже ставших как бы неотъемлемыми); г) проблема "хорошего" (то есть одновременно и эффективного, и демократичного, и "маленького", несамодвлеющего) правительства.

На наш взгляд, ответы на эти вопросы, предложения по решению этих проблем определяют идейное лидерство либеральной партии и станут идеологической базой существенного увеличения электората и даже победы на выборах, как организационной базой является формирование описанной многоуровневой системы "внешней партии". Традиционная ось деления политических партий "левые-правые" ныне во все большей степени трансформируется в подобие "розы ветров",

в которой соединяются несколько осей: левые - правые (ДВР - правые, но не радикальные); реформаторы - антиреформаторы (ДВР - радикальные реформаторы), следует отметить, что постоянное смещение второй оси с первой приводило к несуразностям вроде зачисления коммунистов в правые лишь на том основании, что они поддерживали существовавший прежде режим, а демократов (преимущественно романтического призыва) - в левые на том основании, что они выступали против этого режима; интеграллисты - обособленны (ДВР - обособленны на территории бывшего Союза вынужденно, под давлением сложившихся обстоятельств, умеренные интеграллисты в принципе при том, однако, что будет формироваться Евразия (на территории СНГ - по аналогии с Европой-ЕС) не бюрократическая (мощные надгосударственные надстройки в виде метафедеральных правительств, парламентов, министерств, комиссий, комитетов и т.д.) и уж тем более не имперски единая-неделимая, а либеральная - общее гражданство, права граждан, свободное движение товаров, капиталов, идей и т.п.); номенклатурные - номенклатурные (ДВР - номенклатурные). При этом по разным осям можно оказаться в самых различных политических компаниях.

В любом случае идейные инициативы определяют успешность деятельности либеральной партии в период приоткрытой политики в не меньшей степени, чем организационные и финансовые усилия.

10. РОССИЙСКО-ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТЕЧЕСТВО

Важнейший вызов современности - это необходимость выхода в надгосударственное пространство, преодоления национально-государственной ограниченности. Имеется в виду выйти в него политически, поскольку этот выход уже осуществился в цивилизационно-культурном смысле. Для России же он отчасти осуществился и экономически (отчасти - потому что это произошло с точки зрения предшествующего развития, структуры экономики, того, что традиционно у нас называлось размещением производительных сил, однако, с точки зрения проведения экономических реформ, перехода к новой, свободной, открытой рыночной экономике - различия еще крайне велики и до действительного создания надгосударственной целостности еще далеко).

Для европейских либералов - это проблема заявления своей позиции по вопросу создания европейского единства. Для нас - это проблема заявления своей позиции по вопросу ВОССОЗДАНИЯ российско-евразийского единства. Суть заявления позиции по проблеме европейского единства состоит в выборе места на оси координат европейской политики, в которой обычные левые-правые становятся еще и паневропейцами или национал-европейцами. Позиция европейских либералов здесь очевидна: европейский интегрализм при недопущении бюрократически-надгосударственного контроля над европейским сообществом граждан.

И в России либералы, разумные современные правые, не могут занимать националистические позиции российской самодостаточности, самозамкнутости и самовосхищения. То есть принципиально либералы за Евразийское отечество скорее, чем за Евразию отечеств. Проблема формирования евразийского отечества предполагает, однако, четыре основных варианта ответов.

1. Восстановление СССР (то есть восстановление евразийского отечества в прежней социальной форме - социализм, командная экономика, отягощенная еще и корпоративным самодействием, бюрократическим торгом, распределительный характер экономических взаимосвязей - и в прежней институциональной форме - унитарное бюрократическое государство). Это ответ коммунистов.

2. Восстановление единой-неделимой России в границах 1913 года (то есть восстановление евразийского отечества в институциональной форме унитарного

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

бюрократического государства и в социальной форме национального капитализма, отягощенного спайкой власти и денег, вмешивающейся в экономику госбюрократии и вмешивающейся в политику номенклатурной, неконкурентной буржуазии, крайним протекционизмом и закрытостью экономики), это ответ националистов, ответ жириновцев.

3. Формирование разветвленных бюрократических надгосударственных СНГовских структур, московской (или, например, минской) надгосударственной бюрократической надстройки подобно тому, как европейские бюрократы-интеграллисты выступают за сильный бюрократический Брюссель. Это формирование евразийского отечества в социальной форме бюрократического капитализма (та же спайка неконкурентного капитала и полукоррупцированной госбюрократии, но с меньшим уровнем протекционизма и более широкой национальной "пропиской" капиталов - не только российские, но и украинские, белорусские, казахские, грузинские и т.д.) и институциональной форме бюрократической надгосударственной федерации. Это ответ ПРЕС, Новой региональной политики.

4. Постепенное формирование гражданского общества, единой социально-экономической, правовой и культурной среды. Сначала зона свободной торговли, таможенный и валютный союзы, унификация законодательства, осуществление необходимых реформ, демократические перемены в обществах. Затем введение двойных и многосторонних гражданств, создание общего рынка товаров, капиталов и услуг, экономический союз, общая зона безопасности, общие международные и политические инициативы. Открытая экономика и открытая политика. Евразия граждан, а не бюрократических институтов. Это ответ либералов, наш ответ.

Так же как в случае национально-государственного строительства либеральные реформаторы выступают за примат гражданского общества над государством, его институтами и чиновниками, так и в случае интернационально-государственного строительства - за примат интернационального гражданского общества над межгосударственной бюрократией. Значит ли это, что либерализм отрицает федеративные или конфедеративные устремления на территории бывшего СССР? Разумеется, нет. Однако, ни к чему бежать впереди паровоза - любая форма нового надгосударственного устройства станет эффективной, жизнеспособной и отвечающей интересам граждан лишь при опоре на структуры гражданского общества.

Другой стороной той же проблемы становится проблема регионализации, саморазвития на субгосударственном уровне. Здесь российские либералы, опять-таки подобно европейским современным правым, выступают за максимальную самостоятельность регионов в социально-экономической и культурной сферах, резкое ограничение возможностей московской госбюрократии диктовать регионам, перераспределение бюджетных ресурсов в их пользу при противодействии укреплению региональных бюрократических институтов, формированию на этой основе локальных спаек неконкурентного капитала и бюрократии. То есть и на этом уровне либералы отстаивают идею примата гражданского общества над государством. Идею регионов граждан, а не бюрократов. Нормальная эффективная регионализация, означающая вовсе не разрыв межрегиональных связей, а укрепление связей и структур внутрирегиональных, - несомненно, будущее России. Идти же к нему нужно на основе последовательных и согласованных шагов федеральных и региональных властей (при передаче дополнительных бюджетных полномочий на места, существенному росту их прав и ответственности в области трудовых отношений, социальной защиты, развития культуры, образования, здравоохранения и т.п.), развития предпринимательства и гражданского общества в регионах. Гражд-

данин, его право, его интерес, его собственность - вот мерило всех вещей на уровне регионов, государств, межгосударственных сообществ.

Такое последовательное проведение либеральных ценностей, может быть и не очень политически рентабельно в краткосрочном аспекте, но дает серьезное идеологическое преимущество в среднесрочном плане.

11. НЕНОМЕНКЛАТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ОТКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА

Номенклатура - это не чисто российский феномен, а более общее явление, характерное для многих, в том числе и вполне развитых стран. Послевоенное развитие породило в европейских странах (особенно во Франции и в Италии, но также и в Швеции, Испании и др. тем в большей степени, чем больше было в соответствующем государстве социалистических новаций, и чем слабее там были либеральные традиции) своеобразный номенклатурный способ назначений на должности и принятия важных политических и экономических решений. Одна и та же генерация деятелей десятилетиями вращалась на политической арене, имея фактически гарантированные депутатские и министерские посты. Госслужащие высокого ранга владеют информацией, гораздо более весомой, чем политические фигуры, а значит, именно они по существу и принимают решения. Руководство национализированных предприятий составляет третье звено этой номенклатуры, они также по существу несменяемы и неподконтрольны политикам, и тем более налогоплательщикам. Стандартной является номенклатурная карьера: продвижение в госслужбе - руководство национализированной компанией - место в парламенте - министерский пост. Все это очень походит на ту номенклатурную систему, которая утверждается ныне в России (она трансформировалась в эту сторону из традиционной партийно-советской номенклатуры).

Европейские либералы, точно так же как и российские, не вписываются в эту номенклатурную систему ни идеологически, ни практически. Для них, так же как и для нас, преодоление номенклатурного способа политического действия необходимо для победы на политическом поприще (выборы, формирование правительства и т.д.) и для проведения реального реформирования общественной и экономической системы.

Новая номенклатурная система в России основана на сращивании неконкурентного капитала (вся деятельность которого базируется на использовании государственного глобального - закрытие экономики, чтобы оградиться от мировой конкуренции - и локального - различные льготы и привилегии отдельным фирмам, в которых отдельные чиновники имеют свой интерес - протекционизма) и вновь окрепшей госбюрократии, осуществляющей гипервмешательство в экономику уже не по идеологическим или должностным, а по вполне реальным материальным соображениям. Вместо того, чтобы передвигаться из компании с госучастием в министерство или наоборот, как делают их европейские собратья, российский номенклатурщик забрасывает туда десант в виде назначения самого себя представлять государственный интерес в фирме, где он имеет очевидный свой интерес, или введения в ее руководство ближайших родственников.

Довольно глубокое укоренение новой российской номенклатуры в госаппарате, с одной стороны, неконкурентном бизнесе, - с другой, определяет и идеологию, с которой ведут свою политическую деятельность представляющие ее интересы партии. Она укладывается в два простых лозунга: "Больше государства!" и "Больше протекционизма!". Они довольно хорошо покупаются на нынешнем идеологическом рынке, поскольку вполне соответствуют российской политической и идеологической традиции, соответствуют ожиданиям уставшего от потрясений населения, обещают ему защиту и опору. Однако в современных российских условиях

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

"Больше государства" означает больше слабого неэффективного государства с сильным коррумпированным чиновником." "Больше протекционизма" означает замкнутость экономики, невозможность для российских высоких технологий выйти на внешние рынки, консервацию отсталости и бедности.

Интересы номенклатуры в России приходят в противоречие с национальными интересами. Преодоление номенклатуры реально лишь при формировании новой политической элиты, в которой бы органично сливались представители либеральной интеллигенции и эффективной и либерально ориентированной новой буржуазии. Сегодня задача реформаторов в России соединить либерализм, реформаторскую идеологию с буржуазным, предпринимательским "движением". Конкурентный капитал, конкурентная, ненорменклатурная буржуазия преследуют объективно тот же интерес, что и подавляющее большинство населения страны: бурный экономический рост, обеспечивающий рост занятости и доходов работающих по найму, экспансия российской промышленности на внешние рынки, рост емкости внутреннего рынка и диверсификация его структуры, в основе которых - повышение покупательной способности населения, финансовая стабильность, делающая небесмысленными производственные инвестиции и не позволяющая обесцениваться доходам трудящихся.

Очевидно, что это вполне соответствует реформистским идеям либеральной интеллигенции, которая начала российские реформы в конце 1991 года, но в 1995 году может добиваться успеха на этом пути лишь в союзе с конкурентной, ненорменклатурной буржуазией. Либеральные реформаторы не могут реализовать свой политический потенциал в условиях номенклатуры, когда назначения делаются, решения принимаются, политическая борьба ведется "под ковром", на основе не закона и демократического волеизъявления народа, а личных связей, закрытых договоренностей, кулуарных традиций, лоббирования и взятки.

Конкурентная буржуазия не может реализовать свой экономический потенциал в условиях номенклатуры, когда условия прибыльности вложения капитала определяются не конкуренцией издержек, потребительскими предпочтениями и "невидимой рукой" рынка, а все теми же бюрократическими решениями, личными связями, лоббированием, взяткой, невидимой рукой чиновника. Успех на выборах и формирование реформаторски ориентированного кабинета при поддержке отечественной конкурентной буржуазии означал бы переход от норменклатурной к открытой политике, и на этой основе - к открытой экономике, как до этого в 1992-1993 годах успехи в продвижении к открытой экономике создавали социальную базу, возможность двигаться к открытой политике.

12. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА

Важнейшей проблемой, с которой традиционно сталкиваются рыночные экономики, является соотношение и сочетание экономической эффективности и социальной защищенности (или, если использовать более этически окрашенную терминологию, социальной справедливости). В условиях современной России она особенно актуализируется, а ее решение особенно осложняется. На то есть три основные причины. Во-первых, перспективы подъема экономики весьма неопределенны, глубочайший ее спад продолжается. Во-вторых, в период рыночной трансформации в России резко усилилась социальная дифференциация, при этом отягчающим обстоятельством является наличие тяжелого груза эгалитарной традиции. В-третьих, новая Россия получила в наследство от России советской тяжелое бремя государственных социальных обязательств, обязательств чрезмерных, практически необеспеченных государственными финансовыми возможностями. В этих условиях

и приверженность либеральным ценностям, и анализ реальностей российской экономики приводят к общему выводу: единственным реальным решением проблемы является обеспечение экономического роста, порождающего высокую занятость и рост реальных доходов населения, перенос политических и пропагандистских акцентов с проблем инфляции и финансовой стабилизации на инвестиции, общеэкономическую стабилизацию, эффективность хозяйствования.

Российские либералы, так же как и европейские, получили в наследство от социалистических правительств чрезмерно развитую систему социально-благотворительных институтов, избыточное бремя государственных социальных обязательств, гипертрофированные социальные ожидания и притязания населения. Отлично понимая, что они противоречат не только идеологии либерализма, но - главное - экономической эффективности и экономическому росту, то есть в конечном счете реальному, а не квазирешению социальных проблем, надо, тем не менее, отдавать себе отчет в том, что значительную, если не основную часть этих обязательств придется подтвердить и брать их выполнение на себя. Поэтому необходимо найти адекватное, неразрушительное экономически, нестандартное решение частичного подтверждения и частичного упразднения этих обязательств.

Одним из вариантов решения проблемы было бы формирование нескольких внебюджетных, негосударственных фондов, объединяющих средства граждан, бизнеса, государственные дотации, возможно, кредиты международных финансовых организаций для выполнения этих обязательств на коммерческой основе. Приватизация государственных обязательств является по сути единственным надежным и неразрушительным для финансовой системы страны способом решения проблемы этих обязательств. Реальность схем такого рода зависит от того, насколько привлекательным окажется участие в них для деловых кругов.

Одной из важнейших проблем государственных обязательств перед гражданами является проблема компенсации обесцененных вкладов граждан в Сбербанке. С одной стороны, нельзя полностью проигнорировать требования и ожидания вкладчиков об индексации вкладов. С другой - финансовым безумием стали бы любые попытки проиндексировать вклады за счет госбюджета. Эффективным решением проблемы является, по нашему мнению, приватизация системы Сбербанка. В данном случае приватизация может осуществляться по линии приобретения коммерческими банками отделений Сбербанка на сумму компенсации вкладов граждан (на 1 января 1992 г.) на счетах этих отделений. А истраченные на это приобретение средства помещаются на счета этих же коммерческих банков в виде депозитов граждан, вклады которых были бы таким образом компенсированы. Процедура такого рода не только позволит решить острейшую проблему государственных обязательств, но и проблему эффективной работы Сбербанка при его отделении от государства. Компенсация вкладов неразрушительным для государственных финансов образом существенно усилит российские коммерческие банки: они получат разветвленную банковскую сеть по всей стране. Возможны и другие схемы решения проблемы обязательств государства перед вкладчиками системы Сбербанка, но они так же должны предполагать некоторый обмен обязательств, которые передаются от государства коммерческим структурам одновременно с определенными ресурсами, хотя бы и потенциальными, которые для этих коммерческих структур компенсируют принимаемые обязательства.

Социальная сфера (включая обеспечение безопасности и прав граждан) не может эффективно функционировать в рамках бизнеса, поскольку критерии эффективности социальной и эффективности экономической различны. Поэтому неверно противопоставление либерализма и социальной поддержки. Либерализм как раз за нее. Он как раз пытается защитить социальную сферу от покушений на нее

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

посредством навешивания на бюджет несвойственных ему обязательств по поддержке производственных сфер, которые вполне способны поддержать себя сами.

Ведь в чем состоит экономический смысл субсидий, различных финансовых льгот, которые государство щедро раздает производителям? Например, прямая бюджетная субсидия. Государство в лице определенных бюрократических структур дает неэффективному производителю деньги бюджета, то есть налогоплательщика для того, чтобы производитель мог продолжать свое производство (платить зарплату, закупать материалы, оплачивать услуги и т.д.). Откуда, однако, берет для этого деньги нормальный производитель? Ясно, откуда - из выручки от реализации своей продукции. Потребитель делает свой выбор в пользу продукции этого производителя, принимает решение о том, что он заинтересован в дальнейшем существовании этого производства и поддерживает его материально. Отказываясь от приобретения продукции неэффективного предприятия, потребитель также принимает решение, что он не хочет его поддерживать, не заинтересован в его дальнейшем существовании. А затем госчиновники своими действиями как бы отказывают ему в этом выборе и этом решении: мы, мол, лучше тебя знаем, каким производствам быть, а каким не быть. И в итоге деньги, которые потребитель-налогоплательщик дал своему государству под конкретную работу - обеспечение правопорядка и безопасности, решение социальных проблем, развитие науки и культуры и т.д., госчиновник истратил на совсем другие цели. Да к тому же эта отмена чиновником решения народа (потому что потребитель и налогоплательщик как наиболее массовые социальные категории являются адекватными представителями категории народ) происходит весьма часто в явно криминальных формах взяточничества и коррупции. Если же поддержка неэффективного производства осуществляется в более скрытой форме налоговой или таможенной льготы, это означает лишь изменение формы подмены чиновником решения народа разрешением кому-либо не платить законно установленную сумму, что абсолютно равнозначно субсидии на эту же сумму со всеми вытекающими последствиями.

Совершенно неоспорим и логичен основной либеральный тезис: государство может и должно делать в экономике лишь то, что не могут и не хотят делать другие хозяйственные агенты. Не могут и не хотят же они заниматься социальной сферой. Поэтому этим должно заниматься государство. И лишь в решении социальных проблем - единственный смысл и предназначение государственного бюджета, государственной налоговой системы. Все же разговоры о государственной поддержке тех или иных производств, технологий и т.д. - от нелукавого. Нет таких технологий и производств, которые частный бизнес не смог бы поддержать лучше, чем государство, и более эффективно.

13. ЗА ХОРОШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Население устало от власти, не доверяет ей, побаивается, испытывает к ней стойкую нелюбовь. Люди относятся к органам государственной власти и управления, как к чему-то далекому, чужому, плохому. Причем в глазах большинства существующих различий между ее ветвями нет. Президент, Правительство, парламент, местные власти одним миром мазаны. В глазах населения они несут равную коллективную ответственность за происходящее. Однако период нигилизма, при котором большинство полагает (и имеет для этого определенные основания), что чем лучше для власти, тем хуже для нас, практически уже заканчивается.

Люди ждут и хотят иметь правительство, которое они могли бы уважать, которому можно доверять. Это, в конце концов, важная социально-психологическая потребность. Они хотят относиться к правительству как к своему, мудрому и хорошему. Поэтому инициативы либеральной партии по формирова-

нию хорошего (и персонально, и институционально) правительства, то есть правительства эффективного, небольшого, заботящегося о гражданах и ответственного перед ними, резко повысит курс его политических акций.

Основные критерии хорошего правительства, на наш взгляд, следующие: компактность, дешевизна, подконтрольность, открытость деятельности, чистые руки, компетентность, эффективность работы. По этим критериям следует оценить структуру, функции и результаты работы существующего правительства. На основе анализа существующей структуры управления с ее громоздкостью, параллелизмом работы, раздутостью штатов можно предложить схему хорошего дешевого правительства, выступить с инициативами по расформировыванию многочисленных чиновничьих аппаратных структур, "осовремениванию" допотопных административных технологий "увязок и согласований".

Крайне важно реформировать бюджет органов государственного управления, который уже сейчас крайне обременителен, особенно на федеральном уровне. Его можно сократить в 3-4 раза, а высвободившиеся средства следовало бы направить на реализацию необходимых социальных программ. С этим связана и проблема чрезмерного количества зданий и помещений, занимаемых федеральными органами государственного управления и находящихся на их балансе. Необходимо существенно, в несколько раз сократить их масштаб.

В Государственной Думе следовало бы сформировать специальную комиссию по реформе органов государственного управления. Ее работа должна привести к выдвиганию проекта реформы государственного управления, имеющего целью его резкое сокращение и удешевление. Для того, чтобы деятельность этой комиссии с самого начала была открытой для общественности и увязанной с ее пожеланиями, необходимо организовать и провести специальные социологические опросы. Не следует, правда, переоценивать их надежность.

Идеологический стержень либеральной концепции государственной власти в постсоциалистических переходных обществах - уход государства из несвойственных ему сфер, прежде всего, экономической, вследствие этого резкое сокращение бюджетных расходов и переориентация государственных органов на свои естественные функции защиты граждан от любых посягательств на их права, прежде всего на борьбу с преступностью.

Настоящая борьба с преступностью требует не большого, а малого государства, не Голиафа, а Давида. Бюрократические структуры большого государства тратят силы и средства, прежде всего, на самовоспроизводство, причем в расширенном масштабе, структуры малого - на выполнение своих функциональных обязанностей. Эффективное, подконтрольное обществу "малое государство" имеет гораздо более высокий КПД, да и степень коррумпированности его в отличие от "большого государства" на порядок ниже. Итак, идеи "хорошего правительства" и "малого государства" могут стать очень сильной картой в политической игре ближайшего будущего, позволят мобилизовать нетрадиционный для либеральной партии электорат. А главное - они правильны по существу и могут содействовать бюджетной стабилизации и оптимизации уровня вмешательства государства в экономику.

14. ЛИБЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

На втором этапе рыночных реформ в центр происходящего все более выдвигаются проблемы регионального развития, различных региональных сценариев выхода из кризиса и реформирования хозяйства, проблема успешных и неуспешных регионов. Дифференциация условий хозяйствования и уровней жизни между регионами уже сейчас весьма велика. В близкой перспективе она будет только уве-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

личиваться. И здесь анализ имеющегося опыта позволяет выявить важную закономерность - есть тесная прямая зависимость между степенью либерализма региональной (то есть той, которая осуществляется в данном регионе) экономической политики и успешностью развития региона.

Зависимость эта в целом такая: чем выше степень либерального реформизма в осуществляемой в данном регионе экономической политике (меньше административное вмешательство в бизнес, меньше бюрократического регулирования, успешнее и последовательнее приватизация, нет попыток контролировать цены и насаждать всеобщее перераспределение доходов и т.д.), тем благоприятнее в регионе климат для инвестирования, тем охотнее в экономику региона вкладываются местные и приходящие извне капиталы. Чем больше капиталовложения, тем выше занятость, объемы производства, доходы населения, отчисления в местный бюджет и, соответственно, - отчисления из него на развитие социальной сферы, - в целом, тем богаче регион и его население. Чем богаче регион и его население, тем выше социально-политическая стабильность. А чем выше стабильность, тем лучше политические шансы либералов-реформаторов на местных выборах и тем, соответственно, увереннее они осуществляют, находясь у власти, меры либеральной экономической политики.

Можно ли построить капитализм в одном отдельно взятом регионе? Нет, нельзя. Можно ли достичь капиталистического успеха в одном отдельно взятом регионе при условии обеспечения общих политико-экономических условий рыночного развития? Да, можно. И наоборот, чем "краснее" региональные власти, чем более антиреформистскую, рецидивно-социалистическую экономическую политику они проводят (разного рода запреты и/или резкая регламентация предпринимательской деятельности, попытки ввести особые схемы приватизации, дополнительные местные налоги и сборы, административный контроль цен, противодействие конкуренции, поддержка монополистических образований в хозяйстве и финансах и т.д.), тем хуже инвестиционный климат, тем менее охотно инвесторы вкладывают в регион свои капиталы, тем глубже хозяйственный спад, меньше занятость, ниже доходы населения, меньше доходная база регионального бюджета, тем ниже финансово здоровая возможность выделять из него деньги на развитие социальной сферы. В целом - тем беднее регион и его население. Чем беднее население, тем ниже

уровень социальной удовлетворенности, выше социально-политическая напряженность, ощутимее нестабильность положения в регионе. Это приводит к общему недовольству ходом реформ (не в регионе, а в стране), а значит еще ухудшает шансы проведения либерально-реформаторской политики в регионе. Круг неуспешного развития региона также замыкается. Возникает самовоспроизводящийся контур бедности и кризисности. В этом, по-моему, и состоит не всеобщий (как у Маркса), а частный, региональный закон капиталистического накопления.

15. ЛИБЕРАЛИЗМ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Важнейший аспект современного хода реформ и в целом политико-экономического развития России - это аспект глобальный, мирохозяйственный, связанный с динамикой международных товаро- и капиталопотоков, темпов мирового экономического роста, места России в международном разделении труда. Либеральная позиция в этом аспекте, прежде всего, состоит в отстаивании тезиса о неразрывной взаимосвязи открытости экономики и ее научно-технического уровня и конкурентоспособности. Открытая экономика - это в современных условиях экономика высоких технологий и конкурентоспособности, закрытая - экономика низкой конкурентоспособности и устарелых технологий.

Времена научно-технических рывков за колючей проволокой, военно-космических "Шараг" миновали окончательно и бесповоротно. Надежды на использование отечественного научно-технического потенциала за высокими протекционистскими заборами, консервирующими множество низкоэффективных производств, которые сами же адепты государственного протекционизма называют устаревшим технологическим укладом, иллюзорны. С одной стороны, протекционизм запускает мощный механизм перераспределения национального дохода через госбюджет от эффективных конкурентоспособных, продвигающих высокие технологии предприятий в пользу лежачих, которые весомую его долю тратят лишь на поддержание себя в полуживом положении, оставляя все меньше средств, а значит, и шансов на модернизацию отечественного производственного потенциала. С другой стороны - протекционизм отсекает мощный пласт потенциальных инвесторов, затрудняет межстрановую динамику исследований и разработок, способствует тому, что внутри страны сокращается, а то и сводится на нет спрос на высокие технологии.

Ожидать же, что в условиях ограничений на активность иностранных хозяйственных агентов они предъявят спрос на отечественные высокие технологии из-за рубежа, и вовсе бессмысленно. Следовательно, преодоление технологического отставания, определяющее возможности высокого и устойчивого экономического роста, конкурентоспособности отечественной индустрии, а соответственно и снятия самих экономических основ политики протекционизма (нет абсолютно никакой нужды защищать самозащищающуюся динамичную высокоэффективную конкурентоспособную индустрию), само является следствием открытости экономики (конечно, при обеспечении законных национальных интересов России), то есть недопущения, преодоления протекционизма.

Конкурентоспособность продукции российских предприятий может и должна быть обеспечена не благодаря усилению государственного вмешательства, разработке госпрограмм и концентрации под них дополнительных госбюджетных финансовых ресурсов. Опыт показывает, что в таких случаях даже наиболее существенные наши источники обеспечения конкурентоспособности (научно-технический и производственный потенциал ВПК) не получают почти никакой реализации. Наоборот, в основе повышения конкурентоспособности - снижение уровня государственных финансовых изъятий с нынешних 53-54% ВВП до, по крайней мере, 35-36%, что позволило бы производителям инвестировать в модернизацию производства существенные средства.

Либеральное реформирование российской экономики ставит и вопрос о возможности привлечения серьезных иностранных инвестиций в Россию, что в глобальном аспекте означает потенциальное изменение мировых капиталопотоков. То, что во внутрироссийском аспекте является проблемой путей восстановления экономического роста, в международном аспекте является проблемой переориентации избыточных (при данной прибыльности их использования) капиталов развитых стран с традиционных для последних лет зон их притяжения (Юго-Восточная Азия, Латинская Америка и др.) на Россию.

До начала осуществления в конце 1991г. реальных, а не декларируемых реформ такой проблемы не существовало вовсе. Межгосударственные кредиты, которые получал бывший СССР, его участие в компенсационных сделках были, во-первых, своеобразной экономической формой "умиротворения потенциального агрессора", а во-вторых, основывались преимущественно на госбюджетных, то есть не вполне коммерческих средствах западных стран.

Для того чтобы эта динамика капиталопотоков приобрела свою естественную деполитизированную финансовую форму, а также для того, чтобы она осу-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

шестьдесятая в таких масштабах, которые являются значимыми для мирового воспроизводственного процесса, в России действительно должны были произойти кардинальные перемены. Это утверждение нормальной, потенциально эффективной структуры собственности, основанной на праве частной собственности, формирование экономических (ориентация на прибыль) критериев и условий принятия хозяйственных решений, формирование рыночной системы ценообразования, снижения бремени государственного контроля экономических процессов, демилитаризация (хотя бы в минимально необходимых масштабах) народного хозяйства, минимально необходимая открытость экономики и т.д. Однако, это условия необходимые, но явно не достаточные.

Обеспечение достаточных условий (формирование эффективного рынка капиталов, финансовое и технологическое оздоровление российских предприятий, снижение издержек производства, привлечение иностранных и внутренних частных инвестиций в производство, выход на мировые товарные рынки) на самом деле и является предметом второго этапа экономических реформ, так же как борьба за и против формирования этих достаточных условий в основном и является подоплекой политических коллизий настоящего и ближайшего будущего. При этом, как это часто бывает в политике, происходит подмена социально-политического тезиса: противостояние либеральных реформаторов, выражающих интересы национального российского конкурентного капитала, и нереформаторов (легитимных державников), а также контрреформаторов (агрессивных националистов) ошибочно сводится к традиционному для России конфликту "западников" и "почвенников".

На самом деле, и державники, и агрессивные националисты имеют неплохие связи на Западе, ориентированы на определенные круги и даже отчасти интегрированы в определенные транснациональные группы интересов. Точно так же, как есть разные русские и разный русский капитал, есть и разный Запад и разный западный капитал. Существуют довольно сильные связи на Западе у маргинального неконкурентного капитала и его политических представителей - агрессивных националистов (контакты Жириновского с близким к правым радикалам бизнесменом Австрии, Германии, Сербии и др., деятельность зарубежных фирм "друзей КПСС", издательская деятельность "Правды интернэйшнл" и "АльКодс" и т.д.). Менее скандально известна, но гораздо более масштабна, а поэтому и более интересна западная ориентация связи, интересы, совместная активность "государственно-маргинального" неконкурентного капитала и выражающих его интересы легитимных державников.

Они имеют серьезных партнеров и даже союзников на западе. Во-первых, это их естественный и давний союзник (в каком-то смысле даже аналог) - высокомонополизированный, частично огосударственный и отчасти так же неконкурентный (по западным меркам) капитал, прежде всего, в сфере производства инвестиционного оборудования, нефтегазохимическом комплексе и обслуживающих их финансово-банковских учреждениях, которые существовали в советские времена, да и сейчас продолжают существовать во многом благодаря паразитированию на средствах российского госбюджета, немерянных госзаказах, бесконтрольных по сути финансовых льготах и привилегиях. Характерный пример - "лучший друг СССР" - американский миллиардер Арманд Хаммер, обеспечивший долгосрочный, широкомасштабный и весьма прибыльный сброс в СССР устаревших, экологически опасных, а, следовательно, и финансово убыточных технологий "большой химии", благодаря своему персональному знакомству с рядом советских вождей "от Ильича до Ильича". В ряде других случаев советские связи неконкурентного западного

МИР РОССИИ. 1995. №2

бизнеса простирались на более низкие политические уровни, однако позволяли добиваться эксклюзивных экономических привилегий.

В современных условиях это, прежде всего, западные партнеры "образцовых" российских концернов "Газпром", РАО ЕЭС и других в топливно-энергетическом и химическом комплексах. Они (западные партнеры) не заинтересованы в развитии конкурентного капитала, а, следовательно, и в создающем конкурентную среду массовом переливе сюда мирового капитала. Во-первых, потому что их партнеры (обеспечивающие им прибыли) в России относятся к неконкурентному капиталу. Во-вторых, потому что отмена режима эксклюзивности подрывают саму основу их деятельности в России. В-третьих, потому что консервация топливно-сырьевой ориентации российской экономики создает рынок для их продукции, открытие же российской экономики, приток капиталов объективно приводят к сокращению удельного веса топливно-сырьевого сектора в ВВП России (при его общем увеличении), а значит относительно сократит этот весьма привлекательный для них российский рынок.

Второй западный союзник и аналог - тесно связанная с этими западными полугосударственными монополиями часть государственного аппарата в этих странах. Это объясняется тем, что нефтегазохимические и производящие инвестиционное оборудование концерны, как правило, в той или иной форме, полностью или частично огосударствлены, привязаны к госбюджетам, а правительственные чиновники регулярно перетекают между аппаратами государственных ведомств и этих концернов в ходе своеобразной ротации кадров. Так что нашим державникам бывает не так-то и сложно отстаивать как бы "российские" интересы в переговорах с западными коллегами, опираясь на деятельность западных полугосударственных монополистических лоббистов. Да и регулярные кампании в поддержку "умеренных" российских политиков и проводимой ими "умеренной" политики в западных средствах массовой информации рождаются не на пустом, а на хорошо финансово и организационно удобном месте.

Третий западный (в политическом, а не в географическом смысле, с точки зрения географии как раз, наоборот, восточный) их союзник - это лобби так называемого "третьего" мира в Международном валютном фонде, Мировом банке, ОЭСР и других международных финансовых и экономических организациях, активно сопротивляющиеся тому, чтобы капиталозбытки "первого" мира переориентировались с "третьего" на бывший "второй". Так что в целом противопоставление антиреформаторов-протекционистов как якобы государственников, отстаивающих российский национальный интерес, реформаторам-либералам как якобы западникам - такой же пропагандистский миф, как и противопоставление первых как реалистичных хозяйственников вторым как догматикам-монетаристам.

Международный аспект реформ, да и развития общеэкономической и общеполитической ситуации в России в целом имеет еще один аспект: это трансформация международного конфликта. Традиционный для послевоенной истории конфликт "Запад-Восток", точнее говоря "СССР (и его сателлиты) - весь остальной мир", конфликт, носивший прежде всего военно-стратегический и лишь в значительно меньшей степени (и то производно по отношению к военно-стратегическому) - также и экономический, перераспределительный характер, уступил свое место некоей межумочной ситуации как бы отсутствия конфликта (уступил, понятно, лишь на некоторое время). Эта внешняя бесконфликтность служила прикрытием для более сложных обстоятельств и тенденций, которые оппозиция представляет как просто сдачу Россией своих геостратегических позиций - потеря сателлитов, вывод войск из сопредельных регионов, прежде всего, иных республик бывшего Советского Союза, сокращения войск, вооружений и междуна-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

родно неформально признаваемых зон их возможного применения, а также зон применения вооружений советского производства и т.д. И надо сказать, что в узком военно-геостратегическом плане здесь многое справедливо. Верно и то, что в некоторых важных международных коллизиях новая Россия слишком прямолинейно следовала в фарватере Вашингтона (югославский конфликт, война в Персидском заливе и др.).

Можно ли, однако, ставить знак равенства между узким сегментом национальных интересов (военно-геостратегических) и национальными интересами в целом? Таковое отождествление было свойственно советским правящим элитам в силу их глубокой милитаризованности. В целом же здесь явная и очевидная передержка. Справедливо фиксируя потерю ряда военно-геостратегических позиций, оппозиция совершенно безосновательно распространяет эту фиксацию и на экономическую область, более того, делает на этом акцент. Выше уже отмечалось, что экономического конфликта в традиционной схеме по сути не было. Внеэкономическая природа режима порождала и внеэкономический характер конфликта, в который он был втянут. Там не было ничего от экономического раздела мира, дележа рынков товаров и капиталов - всего того, в чем видел смысл империализма сам основатель режима. Поэтому, когда ныне оппозиция говорит, что в результате проведения якобы "проамериканской политики либеральных реформаторов" оказались потерянными традиционные советские рынки, прежде всего рынок оружия, но также и рынки инвестиционного, транспортного и иного машиностроения, то это либо добросовестное заблуждение, либо беспардонная ложь. Россия (Советский Союз) никогда не присутствовала на этих рынках. Это были вовсе не рынки, поскольку и вооружения, и иную технику и оборудование мы поставляли на нестойкой, неэквивалентной, нетоварной основе. Для их приобретения выделялись кредиты, которые потом либо списывались, либо пролонгировались и зависали на долгие годы. В результате Россия имеет сейчас практически безнадежную задолженность на сумму свыше 130 миллиардов рублей.

Другим, менее заметным, и уж во всяком случае вовсе не ставшим предметом политических дискуссий процессом, для которого прикрытием также стала внешняя бесконфликтность конца 80-х - начала 90-х годов, стал процесс трансформации субъекта конфликта с российской стороны - политических и экономических элит. В результате формирования и укрепления в ходе реформ национального российского частного капитала, а также приватизирующегося бывшего государственного капитала появился субъект, внешний интерес которого является в полной мере экономическим - занятие определенных позиций на товарных рынках, повышение конкурентоспособности, перераспределение капиталопотоков в свою пользу, т.е. в пользу России. Трансформация субъекта означает и трансформацию самой природы конфликта. Теперь это уже в очень большой степени аналог обычных для развитых рыночных экономик "империалистических" противостояний типа описанного Лениным противостояния на рубеже XIX и XX веков старых (Великобритания, Франция) и новых (Германия) "империалистических хищников". Или постоянного послевоенного конфликта по линиям Большого треугольника (США - Западная Европа - Япония). А следовательно - это конфликт гораздо более цивилизованный и чреватый не только потенциальными бедствиями, но и потенциальным благом для людей и народов вовлеченных в него стран, в том числе и для россиян.

Важнейшая форма его существования - конкуренция, прежде всего товарная конкуренция, способствующая модернизации производства, росту доходов и уровня жизни населения. И либерализм как идеология и хозяйственно-политическая практика имеет очень серьезные позиции в ходе развития и разреше-

ния этого конфликта. Свободное движение товаров, капиталов и идей дает здесь очень хорошие результаты. Свидетельство тому и укрепление позиций международного либерального фритредерства в ходе переговоров по ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), которое в ходе нескольких (хотя и долголетних) раундов (токийский, уругвайский) все больше преобразовывалось в организацию поддержки свободы торговли; и создание в Западном полушарии великой зоны свободы торговли, в которую уже сейчас входят США, Мексика, Канада и Чили (а объявили о грядущем вступлении остальные латиноамериканские страны) и т.п. То есть в целом можно утверждать, что тенденции мирового развития здесь - в пользу либерализма.

16. ЛИБЕРАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Готово ли современное российское общество к восприятию либеральных идей? Или же оно отвергает и отторгает либерализм, "клюет" только на коммунистическую или националистическую "блесну", как в этом пытаются уверить мастиные политологи, в том числе и с добропорядочным демократическим послужным списком. А значит, читаем у них же между строк, а то и прямо в строках - не пора ли перекрасить слегка знамена и выступить под флагом просвещенного патриотизма, просвещенной державности? Как сказал национально-ориентированный поэт (еще в то время, когда о национальной ориентации ни он, ни вышеназванные политологи нисколько не задумывались), "добро должно быть с кулаками" (чем крепче кулаки, тем, вероятно, больше добра). И демократы должны быть с кулаками национализма. Для меня ответ очевиден - затея эта нелепа от начала до конца. Нелепо тягаться с националистами на их поле. В любом случае публика предпочтет оригинал копии. Стыдливый национализм никак не сможет тягаться с национализмом полнокровно-румяным. Стыдливый социализм (социально-ориентированная рыночная экономика) - с социализмом кондиционно-зюгановским.

Либерализм имеет в общественном мнении свои плюсы, имеет и минусы. Нужно стараться максимизировать первые, минимизировать вторые. Но никак нельзя считать вторые первыми. Играть нужно на своем поле и по своим правилам. А то как бы не заиграться. У либерализма есть серьезные шансы идеологического лидерства в современной России. Они связаны прежде всего с объективными экономическими и социальными условиями, которые сложились к настоящему времени и которые благоприятны для экономического и институционального либерализма, может быть, более благоприятны, чем в какой бы то ни было другой стране.

Системный кризис (то есть кризис не только экономики, но и государственных институтов, социальных структур и т.д.), который переживает и из которого, похоже, начинает выходить Россия, по своему последствию сродни обычному циклическому кризису в рыночных экономиках. В его ходе происходит массовое обесценение основного капитала, основных производственных фондов, что делает возможным и необходимым его массовую же замену. Это создает возможность модернизировать производство, снизить его издержки, повысить конкурентоспособность и тем закладывает основу для обеспечения прибыльности в новых условиях.

Точно так же в ходе системного кризиса происходит массовое обесценение укоренившихся, традиционных институтов власти, распределения, государственного регулирования, социальных статусов и т.п. То есть тот груз институтов, прежде всего, перераспределительных и государственного-регулятивных, которые довлеют над европейским или американским хозяйством и обществом и которые эти общества пытаются с большими трудностями и поэтапно сбросить в ходе так назы-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ваемых консервативных революции, девальвировался и отчасти самоупразднился в период Великого российского кризиса. Таковы, например, институты нетарифного регулирования внешней торговли (подчас аккуратно замаскированные под экологические, санитарные, карантинные нормы), поддерживающие государственный внешнеторговый протекционизм в развитых рыночных экономиках. Таковы и очень сложные институты регулирования землепользования и городского хозяйства. Таковы в ряде случаев ограничительные методы доступа иностранных инвесторов к недвижимости. Таковы бюджетно-переобременительные системы социального вспомоществования и т.д. и т.п. Мы этой зарегулированности, к счастью, лишены (в основном в результате системного кризиса), и по ряду направлений российская экономика и социальная сфера более свободны, чем их западные аналоги.

Ряда же регулятивных институтов, характерных как раз для рыночных экономики и унаследованных от предшествующих этапов их развития, мы просто никогда не имели, не имеем и сейчас. Это, например, касается рынка ценных бумаг.

Система фондовых бирж, деятельность которых излишне зарегулирована и громоздка, сейчас является бременем для рынка ценных бумаг развитых рыночных экономик. Они пытаются шаг за шагом избавиться от этого бремени. В России же его нет, и рынок ценных бумаг может сразу развиваться на более технологичной и одновременно более либеральной основе непосредственной электронной связи покупателей и продавцов.

Есть и еще одно не менее значимое обстоятельство, хотя и лежащее в несколько иной, скорее идеальной, чем материальной, скорее культурной, духовной, чем собственно социально-экономической плоскости. До нынешнего времени считалось, да и сейчас считается, что либерализм, индивидуализм, пуританская этика, ориентация на успех - характерная черта заокеанского (в крайнем случае европейского) идеологического пейзажа. Для России же это чуждые, дикие, экстравагантные вещи, идущие ей так же, примерно, как корове седло, в отличие от соборности, нестяжательства, общинности и прочего "особупутизма". В общем, что русскому здорово, для немца - смерть. И наоборот, что хорошо для немцев-американцев, плохо для русских. Возможно, когда-то в этом и был какой-то резон. Сейчас же, возмущаясь утверждать, нет в этом никакого резону. Как в свое время Ленин и ленинцы сделали вывод (и как подтвердила история, вывод в целом верный), что центр революционного движения на рубеже XIX и XX веков переместился из Германии в Россию, так и сейчас мы можем сделать вывод, что центр практического либерализма, ориентации на успех, идеологии "человек, помоги себе сам" перемещается из Америки в Россию.

В течение долгого времени (практически два века) Америка была землей обетованной, Эльдorado свободы, свободы духовной, политической и материальной. Там люди сами себя делали, вырывались "из грязи в князи". Там были самые быстрые карьеры, делались самые большие состояния. Была и самая высокая степень личной свободы и широты индивидуальных возможностей сделать свою жизнь, преуспеть в ней. Теперь это Эльдorado расположено в России. Самые быстрые карьеры и самые быстрые большие состояния делаются здесь. Сюда начинают тянуться все ориентированные на успех, на свободное нестесненное творчество собственной жизни люди. Поэтому и идеология практического либерализма, понимание того, что "бог любит работающих и богатеющих", а не бедных, сырых и убогих, укореняется в России и скоро займет здесь ясные лидирующие позиции. В этом я вижу главный шанс для либерализма в современной России.

Что же касается идеологии просвещенного патриотизма (но не национализма) и просвещенной державности - на сей раз без кавычек, то есть имея в виду,

что это не риторика и не политиканство, а желание блага своему народу и своему государству не в ущерб иным народам и государствам и не в ущерб отдельным людям, то современный российский практический либерализм зиждется на этом желании блага, он и есть это желание блага, положенное на рациональную, прагматичную основу Поэтому, перефразируя Маркса, сказал бы, что российский либерал - это рациональный державник, державник же - сумасшедший либерал. Либерализм исходит из того, что сильной и богатой страна может быть лишь при условии силы и богатства ее граждан. Это более надежная основа для просвещенной державности, чем централизация ресурсов, закрытость экономики и ее милитаризация.

Из этого исходит и либеральное понимание национальной безопасности, в частности национальной экономической безопасности. Национальная безопасность - это прежде всего безопасность не государства, а общества, то есть его граждан. Это первично. Безопасность же государственных структур и институтов в лучшем случае вторична. Поэтому укрепление национальной безопасности предполагает не столько риторическое биеение себя кулаком в грудь и принятие неправовых актов, сколько спокойную созидательную экономическую, прежде всего, работу.

В целом, как мне представляется, современное российское общество никак не отторгает либерализм. Его перспективные шансы здесь очень велики, а нужды мимикрировать, жечь то, чему поклонялся и поклониться тому, что сжигал, нет вовсе. Исторический опыт России и жизненный опыт россиян свидетельствует: русский человек - это не соборный, общинный, коллективный человек, а нормальный Человек Разумный, в меру социальный, в меру индивидуальный, в меру консервативный, в меру либеральный. Русский человек не меньше других ценит свободу, и его не удастся уже никому загнать в политическую и экономическую "зону", резервацию несвободы. В этом, собственно говоря, и есть суть российского либерализма.